

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**МИР И ВОЙНА:
КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ
Выборгские чтения (1).**

МОСКВА 2005

В. В. Головин, М. Л. Лурье

Бой на мосту, или С кем воюют подростки?¹

Как известно, драка – одна из наиболее распространенных в подростковой среде культурных практик. Подростковая драка – феномен емкий и многогранный, к нему равно применимы различные методологические подходы и системы описания. Можно рассматривать драку, в том числе и подростковую драку, как совокупность определенных техник, ритуальных норм и предписаний обычного права; как тип поведения, приводящий, в частности, к изменению статуса индивидуума в группе; как разновидность психологической терапии, направленной на снятие стресса, высвобождение негативной энергии и т. п.; как форму коммуникации, традиционную для культур определенного типа; как способ разрешения социальных конфликтов; как устойчивый мотив фольклорных нарративов.

В статье речь пойдет о современных тинэйджерах, которые массово причисляют себя к тем или иным группам, сообществам, движениям, в совокупности своей составляющим то, что принято называть подростковой (или подростково-молодежной) субкультурой. Так что слова «подростки» и «тинэйджеры» в данном случае имеют не столько возрастной, сколько социокультурный смысл. Анализируя материалы устных и письменных нарративов участников подростковых сообществ и отвечая на поставленный в заглавии вопрос, попытаемся представить феномен драки в том виде, в котором он существует в дискурсе современных подростков.

Необходимо сделать два предварительных замечания, важных для понимания особенностей описываемого материала. Первое имеет чисто типологический характер и сводится к тому, что по принципу формирования и некоторым производным от этого признакам подростковые сообщества подразделяются на идеологические (объединенные на основе общности мировоззрения, культовой фигуры, музыкальных, спортивных пристрастий и т. д.) и территориальные (уличные компании, группирующиеся по месту проживания их членов), называемые представителями идеологических субкультур уничижительным словом «гопники» («гопы», «гопота»). Различия между одним и другим типом сообществ будут значимы для наших дальнейших построений.

---

¹ Статья написана в ходе работы над проектом В. В. Головина, Е. В. Кулешова и М. Л. Лурье (грант № КТК-384-1/03). Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Второе замечание состоит в том, что современная подростковая субкультура представляет собой единое, чрезвычайно плотное и коммуникативно-насыщенное социокультурное поле, сегменты которого (отдельные сообщества) не существуют изолированно, а выстраивают взаимные отношения симпатии / антипатии, сотрудничества / соперничества. Эти отношения складываются в достаточно четкую, хотя и подвижную парадигму, в рамках которой каждая отдельная субкультура по-своему расставляет аксиологические знаки и баллы: скинхеды не любят рэперов и граффитеров, но в целом поддерживают футбольных фанатов (так называемых хулиганов, или хулсов), фанаты «Зенита» сотрудничают с фанатами «ЦСКА», но враждуют с фанатами «Спартак», все идеологические сообщества ненавидят и презирают территориальные группы («голоту») и наоборот².

Отметим одну деталь, приобретающую особенную значимость в свете темы настоящего сборника. При анализе текстов, продуцируемых самими субкультурами (идеологических манифестов, отчетов о проведенных акциях, рассказов о драках, художественных произведениях и др.), становится заметно, что их авторы вербализуют идеи актуальной вражды и реалии драки в военно-стратегических и батальных терминах – используя слова определенной лексико-семантической группы (*война, мир, перемирие, битва, бой, вылазка, разведка, операция, солдат, боец, побоище и т. п.*), причем порой делая это откровенно нарочито:

Эта война Ольховца и города никогда не закончится. Эта идея войны уже в крови нового поколения ольховцевских придурков (самозапись, 19)³.

Врагов ненавистных в бою разобьем... (сайт, скинхеды).

Наконец-то добежав до нас, принимаем бой. Начинается довольно таки плотный махач, с перевесом то в одну, то в другую сторону. Перегруппировались, прыгаем, и зря, теряем двоих, отдав все силы (сайт, хулиганы).

Насмотревшись каких-нибудь боевиков про спецназ, они делают вылазку через мостик туда, враги через мостик сюда лезут, естественно, потом забивается большая стрела и стенка на стенку просто... (интервью, 17).

Ну, тоже, тогда как бы, прямо такая начинается подъездная война так называемая (интервью, 17).

...Скажем, там ночью какая-нибудь гола забухает, пойдёт на другую улицу, там встретит оппонентов, подерутся, потом: «Чё ж мы сделали-то, ой». Перемирие значит, перемирие. Потом ночью опять нажрётся, побежит на ту сторону. Опять драки (интервью, 17).

Воевали просто, что Манинское с городом всегда воевало. Вот сейчас не знаю, почему не воюет, а раньше воевали всегда. У меня даже отец мне говорил, что

они даже воевали. Не знаю, за что, но воюют всегда. А сейчас, видно, поколение новое пошло (интервью, 24).

Заметим, что отмеченная лексическая стратегия характерна для всех типов текстов и проявляется вне зависимости от того, кто в данном случае выступает в роли противника. Приведенное наблюдение свидетельствует о том, что взаимное противостояние отдельных сообществ, как и борьба с «общим» врагом (по отношению ко всей подростковой субкультуре – представителями органов правопорядка, или ко всей нации – инородцами) концептуализируется в субкультурном сознании не иначе, как в категориях войны / мира.

С кем же воюют современные подростки?

В рассказах о драках фигурируют три возможных противника. Первый из них, общий для всей подростковой среды, – это правоохранительные органы и их представители. Ненависть к «ментам», омоновцам объединяет и консолидирует порой непримиримые по отношению друг к другу группировки. Актуальность этого противостояния для субкультурной картины мира обусловила тот факт, что «мент» и омоновец сделались одним из наиболее популярных персонажей субкультурного повествовательного фольклора, а столкновения с милицией, сопровождающиеся обоюдно жестокостью, – одним из самых частотных мотивов:

Лидер новоявленного формирования сам Б. поклялся, что у него была только одна дымовуха, которую он тут же и не замедлил кинуть в мусора (сайт, хулиганы).

Толпа [гопников – В. Г., М. Л.] тридцать на тридцать, а когда туда вписываются люди в форме, это становится совсем злым таким уже предприятием, что, в общем-то, толпа объединяется с другой толпой, изгоняются вновь прибывшие в серой форме, после чего либо продолжается, либо расходятся (интервью, 17).

Драка с «ментами» или омоновцами для таких сообществ, как скинхеды, хулиганы, «гопники» и, в меньшей степени, ролевики, выступает как фактор особой воинской доблести, обеспечивающий героям соответствующих инцидентов высокую отметку даже не столько на гендерной, сколько на «корпоративной», субкультурной аксиологической шкале:

После второго гола кто-то зажгёт фэйер, а один мусор (захотевший повязать фэйериста) опрочетчиво забрался в самый центр сектора, где моментально схлопотал по репе. Покинул сектор мусор без кепки (которую позже вышвырнули с сектора), с ох..нным бланшем под глазом, естественно никого не повязав и вообще он ныл (наверное обиделся) (сайт, хулиганы).

На ней [дискотеке – В. Г., М. Л.] наша молодежь уже дралась с Вознесенскими, директор ДК вызвала наряд милиции. Когда она приехала, один из драчунов сказал, что ему нельзя связываться с ментами, пошли его отбивать из рук, при этом один из легавых сделал одному из нашей компании подножку, за что был жестоко избит, после чего раз. башли их козенок. И пошли в кабак дальше бухать (самозапись, 19).

В последнем из текстов особенно отчетливо сказывается роль в сюжетах драки представителя органов правопорядка как «общего врага», расправившись с которым можно уже не продолжать междоусобную «разборку». Из рассказа не явствует, примирились ли подпорожские с вознесенскими и пошли «дальше бухать» мировую, или же неблагогосклонно принятые гости поспешили ретироваться, но это не упущение рассказчика, а «значимый ноль» композиции нарратива: победа над милицией становится истинным финалом истории, вполне исчерпы-

² Подробнее об этих особенностях современной подростковой субкультуры см.: Головин В. В., Лурье М. Л. Современные подростковые субкультуры: мегаполис, провинция и деревня // Мальчики и девочки: реалии социализации. Екатеринбург, 2004. С. 45–67.

³ Здесь и далее в скобках после цитируемых фрагментов указывается тип источника: сайт – материал Интернет-сайта, интервью – текст интервью, самозапись – текст, самостоятельно написанный информантом по просьбе собирателя; в первом случае также указывается, представители какой из субкультурных групп являются авторами сайта или данной реплики в форуме, в последних двух случаях – возраст информанта, а также его субкультурная принадлежность, если она известна и имеет значение.

вая сюжет. Мотив ритуального повреждения или переворачивания милицейской машины (акта, возможно, присутствующего лишь в дискурсе) символически выражает здесь не только «бессилие властей влиять на происходящее»⁴, но и собственно торжество над «главным» и общим врагом, причем если «был жестоко избит» – констатация физической победы в конкретной стычке, то «раз..башили их козлов» – не что иное, как свидетельство общего морального превосходства одного сообщества («пацаны») над другим («ментами»).

Другой объект враждебности и насилия характерен главным образом для одного движения, исповедующего расистско-нацистские взгляды: мы имеем в виду скинхедов и, соответственно, иностранцев и инородцев, являющихся предметом их агрессии:

*Белый солдат – за Россию свою,
Белый солдат – объявляет войну!* (сайт, скинхеды, из песни «Марш бритоголовых»).
Вообще это армия, конечно, если все скинхеды, со всей России набрать, то это будет тысяч десять точно. Такая армия, да. Мне вот интересно, что будет, если так получится, всех кавказцев вышлют и не будет в России кавказцев. Вот допустим, если с той же Чечнёй границу сделают, да, то есть чеченцев не будет, и с Дагестаном, со всем этим Азербайджаном, то есть их всех отсюда выгонят, всех студенто-индусов, ниггеров, вот чего они делать будут, если так. Они тогда да, они, наверно, покрасятся в чёрный цвет и будут бить русских (интервью, 17, хулиган).

При этом для полноценной реализации идеи противоборства и сюжета драки инородец оказывается персонажем ущербным и неподходящим, поскольку столкновения с ним носят характер односторонней виктимизации. «Хачика», «чёрного», «узкоглазого» можно избить или убить, но с ним невозможно драться, он жертва, но не противник, тем более для сообщества, позиционирующего себя как армия. Отчасти «спасает положение» традиционная вражда с органами правопорядка (ср., напр., скинхедские граффити, сопровождаемые изображением свастики: «Я убил мента», «Убей мента, возьми пистолет» и т. п.), причем повествования о схватках с ОМОНОм не входят в противоречия с рассказами о негласном потворстве и покровительстве «акциям» скинхедов со стороны милиции.

Но все же, не имея антагонистов внутри самой подростковой субкультуры, тинэйджеры-скинхеды оказались бы своего рода аутсайдерами, выпадающими из того социокультурного поля, в котором находится большая часть их сверстников. Мы полагаем, что в конечном итоге именно в силу этого обстоятельства защитникам расовой чистоты пришлось «объявить войну», помимо врагов нации, тем подростковым сообществам, к которым они могли сформулировать более или менее определенные идеологические претензии. Этими «внутренними врагами» скинхеды назначили, во-первых, все сообщества, причисляющие себя к движению хип-хоп (рэперы, графферы, брейкеры), как пропагандирующие «ниггерскую» по своим истокам культуру; во-вторых – панков и «гопников» как «позорящих нацию» и сопротивляющихся идее «порядка».

⁴ Кулешов Е. В. Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. / Сост. К. А. Богданов и А. А. Панченко. СПб, 2001. С. 264–265.

Наконец, третий объект противоборства, наоборот, связан с принципиальной раздробленностью самой субкультурной среды. Речь идет о взаимной враждебности различных подростковых сообществ, противостоянии между ними, стычках между их представителями. Можно было бы составить сложную схему «кто с кем дерется», отражающую распределение линий антипатии между различными субкультурами. Мы же ограничимся несколькими иллюстрациями:

Народ, каждый день хожу и п..жу Мудаков-реперов (сайт, скинхед).
Там, например, как там – хулиганы всякие, скинхеды, они тоже любят все на нас, на бомберов [граффитистов, рисующих в запрещенных для этого местах – В. Г., М. Л.], на всяких этих там. То есть пинают там. Тоже, например, тоже было в воскресенье, что заходя там четыре хулигана. Все, там, вот наверно, человек десять [бомбетов – В. Г., М. Л.] просто испугались, выбежали (интервью, 17, граффер).
А у нас просто на Московской стояли у метро постоянно где-то часов с десяти начинали панки сидеть, сидели там на гитарке там играют, не знаю, человек 20. Хулиганы что их гоняли? Во-первых, потому что так их не любят: мусор, грязь такая, панки. Ну, обычно панков чтобы разогнать, двух человек хватало, хватало четырёх человек (интервью, 17, хулиган).

Нам привелось однажды слышать разговор двух подростков лет 12-13, один из которых жаловался другому на свое «везение» во встречах с представителями враждебных групп и сетовал, что, как бы он ни оделся, на улице ему обязательно попадутся антагонисты, описав эту ситуацию замечательной по своей выразительности формулой: «Когда рэпаком – тогда хулсы, когда хулсом – тогда рэпаки».

Как уже было сказано, отношения взаимной вражды между разными объединениями, – конституирующий принцип построения общего субкультурного пространства: в провинциальном «субкультурном тексте», говоря о существующих в городе молодежных движениях, информанты в абсолютном большинстве случаев называют два представленных сообщества, причем обычно отмечают их взаимную враждебность и упоминают драки:

Несколько лет назад повальное увлечение музыкальными группами «Кино» и «Prodigy» повлекло за собой масштабные разборки. Постоянные драки между фанатами стали обычным явлением в городе. В конечном итоге все вылилось в мочилровку в городском парке. Кто шел с ножом, кто с дубиной, кто с целью (самозапись, 18).

В одном из интервью отмеченная закономерность была сформулирована и чрезвычайно точно иронически прокомментирована самим информантом – петербургским студентом, вспоминавшим свое провинциальное подростковое прошлое:

И в Северодвинске, когда я учился там в восьмом классе <...>, там было из неформальных таких сообществ всего две группировки. Всего две. Ну, городок маленький, хочется противостоять. Всем хочется. Не быть же единым фронтом, не идти на Архангельск войной. Или там на Новодвинск. Зачем – можно разобратсь внутри себя. Там были рэперы и металлисты. Всё (интервью, 18).

В повествованиях о драках между представителями различных субкультур обращает на себя внимание устойчивый мотив столкновения на мосту. Являясь нейтральной территорией между частями города или двумя селами, разделенными рекой, мост в текстах традиционной культуры регулярно фигурирует как место побоищ между враждующими жителями двух берегов. Мотив сам по себе чрезвы-

чайно древний: можно вспомнить хотя бы знаменитые драки между новгородцами Дворищенской и Софийской сторон на наплавном мосту через Волхов, отраженные в летописях и в былинах о Василии Буслаеве. Новгородские крестьяне вспоминают о довоенных драках деревень Мшага Ямская и Мшага Воскресенская на мосту или на льду на реке Мшаге, деревень Порог и Клишино на мосту через Сясь. В 70-е годы среди ленинградских подростков района Охты бытовали рассказы о грандиозных драках на Большеохтинском мосту, которые милиция разогнала машинами с привязанными к бамперам матрасами. Ряд примеров можно было бы продолжить. Судя по нашим материалам, модель драки на мосту с большой частотой воспроизводится в современности при выяснении отношений между территориальными группировками и в соответствующих устных меморатах:

Плюс вот наш весёлый район, вот эта вот станция метро Приморская. Здесь <...> есть как бы две группировки, у них совершенно весёлое деление: те, которые за Смоленкой, и те, которые перед Смоленкой. И вот они периодически на мостике устраивают веселье потасовки (интервью, 18).

В прошлом году была драка на льду, на реке [Свирь – В. Г., М. Л.]. Собралась Комса и Ольга [неофициальные названия части города Подпорожье и ближнего поселка – В. Г., М. Л.]. Было около 100 человек народа. Я это видела, потому что живу рядом. Били чем попало, месиво было страшное. Кто-то вызвал ментов. Приехало по 2 наряда на каждый берег и отплавливали буйных. Это была зима, а летом они обычно на ГЭСе (самозапись, 20).

Однако власть традиции и семиотический потенциал моста, по-видимому, оказываются настолько существенными, что сюжет драки на мосту экстраполируется на ситуацию противоборства идеологических субкультур. Представим в этой связи обширный фрагмент – продолжение цитированного выше рассказа о северодвинских рэперах и металлистах:

Там летом, летом, – ну, когда Северная Двина, в общем-то, уже не скованная льдом, как обычно, там устраивалась замечательная драка. Там город, и кусочек – как у нас на Васьеке [т. е. на Васильевском острове в Петербурге – В. Г., М. Л.], но там только один такой островок, остров Ягры называется. И там большущий мост. Мост – он такой не изогнутый, а прямой абсолютно и невысокий, в общем-то, но при этом очень удобный. Там по ночам сходились добрые друзья рэперы и металлисты друг с дружкой, и устраивались замечательные побоища – просто так, то есть никаких разборок полётов до этого не было, никакого противостояния. Просто это был как праздник, там, День Благодарения там, или День Независимости, – день драки. Туда все приходили просто, кто причислял себя к какой-либо из этих структур, и начиналась большущая потасовка, но потасовка была очень добрая. Вот я приехал в Петербург и узнал, что такое злая потасовка, понятно, совершенно другая атмосфера. А там очень всё по-доброму – там самое, самое страшное, что могло быть, это либо тебя просто ударили больно, либо тебя скинули в Северную Двину с моста. При этом скидывали ласково, то есть вдвоём-втроём берут за руки-за ноги – раз-два-три, – бу-бум! Летишь, а там нормально, там два метра как бы, всё равно выплывешь в любом случае, там хорошо плавать. И металлисты, они были, – да и рэперы, в общем-то, – они были очень добродушные в душе. То есть такие люди – просто не человек, а душа, не человек. Металлисты, они – в чём проявлялась их доброта – они помогали выплыть девочкам-рэпершам. Это было замечательно. То есть если до этого металлиста кинули в воду – а его там отплышь, у него джинсовая куртка какая-нибудь такая, там

чё-нибудь висит заклёпанное. И когда к ним девочку-рэпершу кинули, – девочку-рэпершу, кстати, там было тогда очень много, – да, то металлист обязательно – он же мужик! он же металлист! – он подплывал к девочке-рэперше, помогал ей выбраться на берег, там, выжимал ей одежду и говорил: «Всё, девочка, иди домой», – сам же залезал на мост, и продолжалась эта весёлая кутерьма (интервью, 18).

Можно сказать, что, устраивая «потасовки» на мосту через Двину, северодвинские рэперы и металлисты по сути дела осуществляют наложение знаков, проецируя идеологическое противостояние адептов разных музыкальных направлений на более традиционную для провинциальной молодежной субкультуры территориальную сегментацию социального пространства.

Кроме того, можно предположить, что модель драки на мосту привлекательна для современных подростковых сообществ еще и тем, что, в силу своих так или иначе ощущаемых традиционных коннотаций, сообщает самому событию и рассказу о нем эпическую масштабность. Это, в свою очередь, помогает символически «снять» с форм субкультурной жизнедеятельности оттенок игры и ребячества и тем самым повысить статус всего субкультурного универсума в глазах самих подростков.

Отдельным случаем противостояния различных сообществ является борьба между группировками – внутренними противниками в субкультурах, которые организованы по командному принципу. Это характерно в первую очередь для футбольных хулиганов, ролевиков и реконструкторов, геймеров (их сражения имеют виртуальный характер), уличных территориальных группировок («топников»). Приведем несколько примеров:

Вот у них [команды ролевиков «Моргиль» – В. Г., М. Л.] на сайте написано, что «мы вообще презираем современное ролевое сообщество, потому что оно отошло вообще от всех канонов, которые должны быть в жизни ролевика (причём не объясняют, от каких канонов), мы вообще противопоставлены всем, поэтому вы все sucks, отстой, мы единственно возможные люди, занимаемся этим всерьёз и надолго, и если у вас есть какие-то вопросы, мы согласны предоставить вам сатисфакцию. Выходите, мы с вами будем драться» (интервью, 17, ролевик).

Китай-город – это дерби⁵, Спартак – ЦСКА, и там как раз, там как раз насчёт этого есть видеокассета, «Хулиган», по-моему, номер пять – там сорок минут, там около шестисот человек дрались на Китай-городе (интервью, 17, хулиган).

...Когда дело доходит до межпоселковых разборок о внутренней вражде как-то быстро забывается. Есть 2 устоявшихся сценария драк ребят из разных посёлков. Причиной чаще всего становится оскорбление или, скажем так, «групповое избиение» 1 человека (чужака). Обиженный возвращается к «своим», говорит, что на него «наехали» там-то и там-то, те-то и те-то. Затем в посёлок, где живут «оскорбители», приезжают «засыльщики» (как правило, на 1-2 машинах), предупреждают, что тогда-то и тогда-то они «подъедут на разборки». Такой своеобразный вызов на дуэль. В назначенный вечер приезжает как минимум 6-7 машин, битком набитых молодыми людьми и происходят крупные драки (стенка на стенку). Реже принимают решение драться 1 на 1, а остальные выполняют роль судьи. Причём, вовсе не обязательно, чтобы 1 на 1 «разбирались» обидчик и обиженный.

⁵ Дерби – здесь: крупная драка между группами хулиганов – фанатов разных футбольных команд.

Это могут быть самые сильные / «умеющие драться» парни из столкнувшихся групп. Если кто-то из родителей узнает и предварительно позвонит участковой, время «разборок» переносится (самозапись, 23).

Для этих субкультур драка, игровой бой, виртуальное сражение между командами («фирмами», «группировками») являются основной формой субкультурной деятельности и одновременно поддерживают внутреннюю социальную структуру. Отсутствие актуального оппонента приводит членов таких сообществ к идее моделирования ситуации внутри группировки единомышленников:

То есть у них [хулиганов – фанатов «Спартака» – В. Г., М. Л.] есть и ЦСКА, против которого можно воевать, у них есть много, у них есть Динамо, с кем можно воевать. Вот. А так как у нас в Питере одна команда, да, то нужно было на ком-то тренироваться. Вот придумана была такая вещь – Зарница. Когда две группировки друг на друга, друг с другом дерутся не по-настоящему. То есть они дерутся... дрались там, по-моему, пластиковыми бутылками из-под «Медового» [пива – В. Г., М. Л.], и, не знаю, у кого-то там пришла идея, что можно взять, прыгнуть на кого-нибудь, по-настоящему подраться. Вот, ну там без добивания, то есть человек лег как, всё, его не трогают (интервью, 17, хулиган).

Кроме того, отдельные команды скинхедов периодически дерутся с идеологически и поведенчески близкими им хулиганами:

Ну в основном, конечно, они [скинхеды и хулиганы – В. Г., М. Л.] друг за друга, вместе. Но бывает, что и конфликт, вот в Москве как раз был конфликт между хулиганской группировкой и как раз ОБ-88. Вот. А хулиганская группировка, спартаковская, как раз самая основная, Flints Crew, то есть это вообще основа, основа всего движения, то есть люди за 25 лет уже. И вот у них как бы разногласия, что они собираются вместе поехать в Питер на матч на какой-то. Вот. А Flints Crew заявили, что как бы не хотят, чтобы информация куда-то ушла на ту сторону, вот, и сказали, что они против того, чтобы ОБ ехали. Ну вот, и ОБ подумали то, что то, что информация будет разглашаться, – это обвинение в том, что кто-то есть стукач там. Ну, и устроили драку тоже. То есть была забита стрелка, вот. Ну там чего-то кто-то. Ну как-то мирно конфликт решился, они немножко там, буквально минуту там помахались, разогнали свои же и всё. Ничего такого организованного не было (интервью, 17, хулиган).

Поводом к таким столкновениям, как видно из приведенного выше материала, служат те или иные взаимные обиды, нарушения конвенциональных соглашений и т. п., однако истинной причиной – необходимость иметь достойного противника в драке, в качестве которого для скинхедов по уровню подготовленности не может выступить ни одна другая субкультура, кроме хулиганской:

Ну, и как бы, большинство в хулиганских акциях скинхеды тоже участвуют. <...> Ну, у них разборки-то нечасто случаются такие вот, и они как бы тоже ездят, тоже подраться хочется (интервью, 17, хулиган).

Драка – как занятие и как идея – исключительно важна для тинэйджерской субкультуры, поскольку она является воплощением интенции вражды, борьбы, противостояния. Как видно, в частности, из представленных выше материалов, эта интенция чрезвычайно характерна для современной подростковой субкультуры в целом и отдельных сообществ в особенности.